

Куранды. - 1996. - 2 марта. - с. 5.

КАК НИКУЛИН ПОТЕРПЕЛ ФИАСКО В ЯПОНИИ

По не зависящим от артиста обстоятельствам

О. Ю. (осторожно, акра-
диво). Юрий Владимирович, я
поговорю несколько секунд,
хотя какой-то генерал вас до-
жидается в приемной.

Ю. Н. Ничего, ничего, я
уже предупредил секретаря,
что у меня врач. Подождет
генерал.

О. Ю. Если я попрошу по-
зволить мне для домашней
коллекции снять вас видеока-
мерой, вы не начнете психо-
вать?

Ю. Н. (доброжелательно).
Психовать не буду, а просто
не позволю. Думаю, вы меня
простите. Могу даже расска-
зать анекдот, и вы поймете,
почему я не разрешил вам.

О. Ю. Нет, анекдоты, я на-
деюсь, вы мне подарите, я вам
просто верю и прошу. Совсем
нет секунд на анекдоты. Луч-
ше вот вам анекдотический
вопрос: "Вы бросили курить?"

Ю. Н. Да. Я бросил курить.
Это было в 1995 году.

О. Ю. А мне позволите за-
курить?

Ю. Н. Конечно. Я даже
нужаюсь еще в дыме. Стран-
но... Но знаете, что я скажу: я
даже иногда люблю хорошо
выпить. А когда запрещаю
себе, но нахожусь в компа-
нии выпивающих, то пьянею
быстрее этих счастливых лю-
дей.

О. Ю. Что у вас за алхи-
мия? Есть какой-нибудь се-
крет, которым вы пользуетесь,
заставляя людей улыбаться?

Ю. Н. Я не задумывался
над этим. Первый раз в жи-
зни мне такой "умный" воп-
рос задали. (Показывает ру-
ками, как рыбак огромную
рыбу вспоминает.) Жалко, что
я в себя не заглядывал, в ка-
кую-то нужную скважину, и
не подготовился к ответу.
Просто это, может быть, мой
стиль? Может быть, это нату-
ра такая? И я стараюсь чаще
всего все обратить в шутку,
чтобы от моего ответа больше
было улыбок, чем озадачен-
ных лиц, серьезного вида,
рассерженного. Вот у вас
очень серьезное лицо.

О. Ю. Я не допускаю, что-
бы вы никогда не провалива-
лись вместе с натурой, стилем,
потрохами?

Ю. Н. Сейчас я вам ска-
жу... Это было уже когда я в
цирке отработал 15 лет. И
считал, что я законченный
профессионал. Мы гастроли-
ровали по всем странам мира
и везде имели успех. И вот
приехали в Японию. Вышли
при полной тишине зала,
сделали первую репризу... И
так же в тиши ушли... (Шепотом,
с ужасом.) Потом у нас
был еще один выход, и никто
опять не смеялся... Мы были
в страшном угнетении. Не
могли понять, почему у нас
нет никакого контакта со
зрителями. Были уничтожены
все трое. А трое — это я, мой
партнер и моя жена. (Она нам
помогала и участвовала в от-
дельных репризах.) Совершен-
но молча мы вошли в комна-
ту, где гримировались, и я
рассказал анекдот... (Изобра-
жая робость, смирение.) Мо-
жет, разрешите, Олег, расска-
зать вам его?

О. Ю. (огорченно и велико-
душно кивая). Да-да, пожа-
луй-ста.

Ю. Н. Один еврей спраши-
вает у другого: "Ты знаешь,
кто такой Эйнштейн?" Тот
отвечает: "Это теория отно-
сительности". — "А что это
за теория?" — "Теория отно-
сительности такая: вот если
вы, Рабинович, всю ночь ла-
скаете женщину, молодую,
красивую женщину, вы всю
ночь ее ласкаете, но вам ка-
жется, что это одно мгнове-
ние. Но, с другой стороны,
Рабинович, если вас голым
задом на одну минуту поса-
дить на раскаленную плиту,

вам будет казаться, что это
вечность. Понятно?" — "Аб-
солютно", — ответил Рабино-
вич. И когда я рассказал этот
анекдот, мы захохотали и не
могли остановиться, пока не
уехали из Японии.

Но вы, наверное, хотите
узнать, почему не смеялся
публика на этом странном
представлении? На арене там
был очень высокий барьер,
который сделали наши кон-
ники. А зал был не амфите-
атр, а просто прямая. И пуб-
лика нас видела по пояс...
Первая реприза была у нас со
змеей, которую мы дрессиро-
вали, которая на нас броса-
лась. Поэтому публика не ви-
дела эту змею за барьером.

Дальше опять шла история
с яйцом, которое исчезало,
когда мы садились на табур-
етку. И на второй день мы
вытащили наши репризы на
барьер. И все пошло. Они нас
просто не видели.

О. Ю. Помните Петьку, ко-
торый спрашивает: "Василий
Иванович, а вооруженными
силами планеты справился бы
командовать?"

Ю. Н. Да-да. Образования
не хватит, ответил.

О. Ю. Вам удавалось разве-
селить стадион?

Ю. Н. Я ненавижу высту-
пать на стадионе. Ужасно,
когда певцы известные вы-
ступают под фонограмму.
Разрезают рот, неживые голо-
са... Вообще в этом есть ка-
кое-то унижение. Я говорю
про аудиторию большую.

О. Ю. Мое печальное лицо
не мешает вам улыбаться?

Ю. Н. Никогда мне это не
мешало. А если человек на-
чинал со мной шутить пер-
вым... Тут у меня рот попол-
зет до ушей. Он меня заража-
ет, если я сам серьезный.
Иногда я сам делаю пробную
вещь — рассказываю анекдот
и уже вижу, как человек реа-
гирует.

О. Ю. Давайте откроем ок-
но. Так надумил. Мне совест-
но.

Ю. Н. Нет, нет. Я сразу по-
чувствую себя неважно. На-
чну кашлять. Но это тот ка-
шель, который остался у ме-
ня от курения. У меня проку-
ренные легкие — 40 лет я ку-
рил ровно. Две пачки сигарет
в день. Я потом мысленно
рисовал себе картину: вот ме-
сяц не курю, складываю эти
пачки сигарет в блоки, и у
меня появлялись на столе три
блока, шесть блоков. Был мо-
мент, когда я увидел стол, за-
валенный пачками сигарет.
Это я себе придумывал и на-

чинал ликовать, понимая, что
брошу.

О. Ю. Вот так любите ды-
м и ни одной сигареты не выку-
рили за год?

Ю. Н. Нет, в шутку я курю.
В порядке строгого исключе-
ния, потому что знаю, что...
Первое время я думал, что,
если брошу, я не смогу пи-
сать.

О. Ю. А я закурил в тюрьме.
Стыдно в этом признаваться, я
был там всего полгода. До су-
да. И еще в Сухуми. Через ре-
шетку видел море.

Ю. Н. И море шумело вдо-
бавок?

О. Ю. Очень далеко...

Ю. Н. Жаль. Даже самый
отдаленный шум как-то под-
держивал бы вас дополни-
тельно. Если можно, за что
же вас?..

О. Ю. Тогда Набоков был
запрещен, и на пляже я не-
осторожно дал почитать в Па-
риже изданного Набокова и
заодно покараулить штаны с
бумажником мужчине, оказав-
шемуся кагэбэшником. В Мос-
кву вернулся через полгода,
без штанов и Набокова.

Ю. Н. Забыли упомянуть ко-
шелек. Сколько вам было лет?

О. Ю. (сокрушенно). 50.

Ю. Н. Я вам скажу: я поль-

зовался тем, что меня нико-
гда не осматривали. И тайно
проезжал всего Солженицына.
Мы его называли Короленко.
И мой друг спрашивает: "Ну
ты привез Короленко?" —
"Да как же, конечно". Эти
книжки читали только у меня
дома. И я давал только тем,
кому доверял. Я удивляюсь
на вас! Вам 50 лет, неужели у
вас не хватало мудрости не
доверяться первому встре-
чному?! Вы думаете, я не рас-
сказывал анекдотов? Против
Сталина? Не рассказывал
анекдоты политические в ар-
мии? Я рассказывал, но у ме-
ня были человека два-три, с
которыми я мог общаться.

О. Ю. А я вот вспомнил: за
воротами тюрьмы меня ждала
жена, прилетевшая из Москвы
на крыльях, но я не видел ее
лица. Я вынес с собой из каме-
ры крыс, вшей, лица уголовни-
ков. Мы шли вдоль моря, и его
я не видел. Что-нибудь подо-
бное было с вами?

Ю. Н. То же самое! Когда 7
лет я не был дома (я прошел
2 года войны), я вообще не
верил, что буду в Москве.
Помню, был месяц май. Я
шел, в какой-то трамвай впе-
лился со своим мешком ве-
шевым и чемоданом деревян-

ным. Это как вышел из тюр-
мы. Но, может быть, была и
двойственность. У меня оглу-
шенно сердце билось, ра-
дость меня переполняла бе-
зумная, и я подумал про себя
— вот так умирают от радо-
сти. Когда я пришел домой,
две минуты не мог говорить.
Собака у меня была, семь лет
меня не видела, она меня уз-
нала, она бесилась прямо.
Давайте я заодно скажу, что у
меня есть жена, с которой я
живу (можно не считать раз-
ных перерывов?) уже 40 лет.
У меня один сын, у меня трое
внуков.

О. Ю. Вот вы так странно
курите не курите... Я должен
вам поверить, что вы никогда
не были дополнительно влюб-
лены?

Ю. Н. У нас есть такая
шутка: как называется муж-
чина, который с женой про-
жил всю жизнь и никогда ей
не изменял? Как называются
такие люди? Ответ. Однома-
нчатные.

О. Ю. Ваши анекдоты где-
нибудь можно купить?

Ю. Н. (гордо). Нигде не
продаются. (Хитро успокаива-
вая.) Но не волнуйтесь. Я вам
подарю.

О. Ю. Вам никогда не при-
ходило в голову бросить цирк,
перестать сниматься, а только
рассказывать или инсцениро-
вать анекдоты?

Ю. Н. Тогда я был бы ре-
жиссер, да? Я подумую. Это
было бы ужасно трудно.

О. Ю. Зная, понимая беско-
нечное количество анекдотов...
не ощущаете ли вы себя путе-
ником, бредущим сквозь выюгу?

Ю. Н. Нет, очень мрачно.
Совсем не так, никакой тра-
гедии. Они появляются у ме-
ня ассоциативно, к случаю.
Меня отец учил рассказывать
анекдоты. Самые лучшие
анекдоты, когда они по ассо-
циации или к случаю. И как
этого не понимают люди, ну,
например, читающие лек-
ции! Как это может укра-
сить, заставить внимательно
слушать! Есть изумительные
анекдоты. Звучащие во все
времена. У меня сердце с ут-
ра болело. Я шел в цирк, и
настроение у меня было
ужасное. Потом меня по-
стригли, и ничего, я сам себе
сказал: я буду жить долго.
Особенно после стрижки.

О. Ю. Вот вы сами сбились
на трагизм. Я вас заразил.
Шли сюда, пришли в свой вто-
рой дом, и только одна ра-
дость?

Ю. Н. В кои-то веки на-
чнешь говорить о вечном...

О. Ю. Совместная работа с

какими артистами вас потряс-
ла?

Ю. Н. С Гурченко мы сни-
мались, да. Ну, во-первых,
этот фильм — плод гениаль-
ного режиссера, им была вы-
брана гениальная артистка. Я
люблю ее. Она одна из луч-
ших артисток. Я знал ее судь-
бу. Она написала чудесную
книжку. Фильм назывался
"20 дней без войны". Автору
Симонову сказали: зачем вы
берете на роль героя Никули-
на? Он антигерой. Он отве-
тил: "Вот такого героя я себе
и представляю". Симонов по-
казал мне 5 актрис, которые
должны были играть эту жен-
щину, с которой я за 20 дней
командировки в Ташкенте
переспал. И я нашел себе до-
вольно симпатичную, моло-
дую, и такая она у меня была
мимолетная... А оказалась на
всю жизнь — Гурченко.

Я расскажу, что делал гени-
альный Герман. Там сцена
происходит в международном
вагоне времен войны еще —
из красного дерева, с туалета-
ми внутри. Вот как раз в поез-
де с ней мы должны были по-
знакомиться. Ну, Герман не-
нормальный режиссер. Сни-
мали полвагона. Взяли пави-
льон, будто бы сидим в ку-
пе... Сзади вертелись бараба-
ны, как будто проплывают там
поля, степи, а мы, значит,
должны сидеть разговаривать.
Люди трясут вагон, чтобы мы
немного качались. Он ска-
зал: дайте мне вагон. Достал
вагон где-то, который пригна-
ли в Ташкент. В этом вагоне
— это была зима, на улице ми-
нус 11. Он в этом вагоне, где
проходили съемки, выбил
стекла, и в этом холоде мы
снимались.

О. Ю. Но это же садизм...

Ю. Н. Садизм, да. Но по-
том я понял, что так бы мы
не сыграли никогда. Он до-
бил. Ведь фильм его, вся-
кие маленькие детали, все это
здорово.

Анекдот, кстати, о Герма-
не. Когда он набирал массов-
ку по 2000 человек для сье-
мок боя, Герман орал, как са-
мый несчастный, что эта кар-
тина разорит его, надо пла-
тить за все, всем. Ему кто-то
ответил: "Не волнуйтесь, я
прикажу стрелять настоящи-
ми патронами".

О. Ю. Я вчера беседовал с
Караченцовым. Не вспыхне-
ли анекдотом о Николае?

Ю. Н. Караченцов хороший.

О. Ю. Вы слышите, навер-
ное, генерал скандалит?..

Ю. Н. Да, может быть, до-
рогой Олег, простите меня, и
очень сожалее, что обрыва-
ется беседа, позвольте мне
написать вам свои книги, и
благодарю вас.

Беседу вел Олег ЮЛИС.